

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 49-АПУ19-7

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

11 апреля 2019 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Червоткина А.С.
судей Истоминой Г.Н. и Кочиной И.Г.

при секретаре Димаковой Д.Н.

с участием прокурора апелляционного управления Генеральной прокуратуры РФ Телешевой-Курицкой Н.А., защитника осужденного – адвоката Кротовой С.В.

рассмотрела в судебном заседании апелляционное представление государственного обвинителя Зиганшина Р.А., апелляционные жалобы представителя потерпевших М [REDACTED] и М [REDACTED] - адвоката Валеева Р.Р. и осужденного Пермякова В.А. на приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 18 декабря 2018 года, которым

Пермяков Валерий Александрович, [REDACTED] [REDACTED]

[REDACTED]
несудимый

осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 10 годам лишения свободы по ч. 1 ст. 112 УК РФ к 2 годам ограничения свободы, по ст. 264¹ УК РФ к 240 часам обязательных работ с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на 1 год.

По совокупности преступлений в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 10 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на 1 год.

Постановлено взыскать с Пермякова В.А. в счет компенсации морального вреда в пользу М [] 250 000 рублей, в пользу М [] – 200 000 рублей, в пользу Г [] – 50 000 рублей и в возмещение расходов, связанных с выплатой вознаграждения за оказание юридических услуг в пользу Г [] – 3 000 рублей.

Заслушав доклад судьи Истоминой Г.Н., изложившей содержание обжалуемого приговора и доводы апелляционного представления и апелляционных жалоб, выступление прокурора, Телешевой-Курицкой Н.А., поддержавшей доводы апелляционного представления об усилении назначенного осужденному наказания и увеличении размера компенсации морального вреда, взысканного в пользу потерпевших, выступления потерпевших М [] и М [] поддержавших доводы жалобы, выступления осужденного Пермякова В.А. и его защитника – адвоката Кротовой С.В., поддержавших доводы жалобы, просивших об изменении квалификации действий осужденного, смягчении назначенного ему наказания либо об отмене приговора и возражавших против удовлетворения апелляционного представления и апелляционной жалобы представителя потерпевших, Судебная коллегия

у с т а н о в и л а:

Пермяков осужден за убийство на почве личных неприязненных отношений М [] за умышленное причинение Г [] вреда здоровью средней тяжести и управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, будучи ранее подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения

Преступления совершены им 31 июля 2017 года на территории Ильчигуловского сельского совета Учалинского района Республики Башкортостан обстоятельствах, подробно изложенных в приговоре.

В апелляционном представлении государственный обвинитель

Зиганшин Р.А. указывает на незаконность, необоснованность и несправедливость приговора вследствие чрезмерной мягкости назначенного осужденному наказания. Полагает, что выводы суда, изложенные в приговоре, не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела.

По доводам представления принятое судом решение о переквалификации действий Пермякова В.А. с п.«в» ч.2 ст. 105, ч.3 ст.30, п.«а» ч.2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 112 УК РФ основано на неправильном применении уголовного закона.

По мнению автора представления диспозиция пункта «в» ч.2 ст.105 УК РФ предусматривает два независимых друг от друга признака: первый определяется малолетним возрастом потерпевшего, второй - фактом нахождения в беспомощном состоянии.

В этой связи считает, что вывод суда о том, что недостижение возраста 14 лет недостаточно для применения рассматриваемого квалифицирующего признака части 2 статьи 105 УК РФ, если не будет установлено, что связанное с возрастом физическое, либо психическое состояние потерпевшего, не позволило ему защитить себя и активно сопротивляться, противоречит уголовному закону, который предусматривает два независимых друг от друга признака. Примененная законодателем конструкция рассматриваемой нормы права (п.«в» ч.2 ст.105 УК РФ) указывает на то, что малолетний возраст уже сам по себе предполагает то, что лицо не может защитить себя и следовательно дополнительному доказыванию это обстоятельство не подлежит.

Необоснованным считает и вывод суда о том, что осужденный не мог осознавать малолетний возраст потерпевшего М [REDACTED] поскольку они не были ранее знакомы, и у Пермякова В.А. не было реальной возможности определить точный возраст потерпевшего. При этом суд не дал надлежащей оценки доводам стороны обвинения о том, что малолетней возраст М [REDACTED] следовал из его внешних антропометрических данных и приобщенным к материалам уголовного дела объективным доказательствам - фотографическим снимкам с изображением потерпевшего М [REDACTED] сделанным непосредственно перед его убийством, и не привел в приговоре мотивы, по которым отверг эти доказательства.

Выводы суда об отсутствии у Пермякова В.А. реальной возможности определить возраст потерпевшего М [REDACTED] ввиду стремительности развития конфликтной ситуации не конкретизированы. Из приговора не ясно, что явилось препятствием, ограничившем физическую возможность Пермякова В.А. визуально наблюдать М [REDACTED] полагает, что этот вывод суда носит декларативный характер, не основан на соответствующих доказательствах, что является нарушением уголовно-процессуального закона.

Полагает, что результаты судебного следствия свидетельствуют о том, что Пермяков В.А. наблюдал потерпевшего М [REDACTED] с расстояния

своей вытянутой руки как минимум в тот момент, когда наносил удар рукой по голове потерпевшему Г [] сидевшему на мотоцикле позади М [] При этом, мотоциклетные шлемы на обоих потерпевших отсутствовали, а скорость движения мотоцикла двигавшегося навстречу осужденному не составляла значения, которые могли бы исказить объективную реальность.

Кроме того, выводы суда о косвенном умысле Пермякова В.А. на причинение смерти противоречат фактически установленным обстоятельствам уголовного дела, которые твердо указывают на то, что его действия были непосредственно направлены на причинение смерти двум лицам, так как избранное им орудие преступления в виде источника повышенной опасности – автомобиля, имеющего большую массу, и способа, выразившегося в совершении наезда и тарана на скорости, не могли не представлять непосредственной угрозы жизни малолетнего М [] и несовершеннолетнего Г [] находившихся верхом на двухколесном мотоцикле, легко опрокидываемом от удара и не имеющего какого либо кузова или кабины с ремнями безопасности и зон программируемой деформации.

Г [] не получил телесных повреждений, которые могли бы повлечь наступление смерти только по счастливой случайности, так как от удара его отбросило с мотоцикла в сторону таким образом, что он избежал травмирующего воздействия на него деталей или частей транспортного средства и дорожных препятствий, в отличие от М [].

Выводы суда о незамедлительной остановке подсудимым транспортного средства, приведенные судом в обосновании принятого решения, противоречат показаниям Г [] и протоколу осмотра места происшествия со схемой к нему, согласно которым таран мотоцикла продолжался 5,6 метра от места столкновения в сторону деревьев.

Последующее поведение осужденного не может свидетельствовать о косвенном умысле, так избранным способом и орудием преступления осужденный воспользовался до конца и уже только после совершенного испугался своих действий.

Не оспаривая вывод суда о виновности Пермякова В.А. в совершении преступления, предусмотренного ст.264.1 УК РФ, государственный обвинитель считает назначенным ему дополнительное наказание в виде запрета заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на 1 год несправедливым ввиду его чрезмерной мягкости.

Просит приговор в отношении Пермякова В.А. отменить, вынести обвинительный приговор, которым признать Пермякова В.А. виновным в совершении преступлений, предусмотренных п.«в» ч.2 ст.105, ч.3 ст.30, п.«а» ч.2 ст.105, ст.264.1 УК РФ и назначить наказание: по п.«в» ч.2 ст.105 УК РФ - 17 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год; по ч.3 ст.30, п.«а» ч.2 ст.105 УК РФ - 10 лет лишения свободы с ограничением свобода на 1 год;

по ст.264.1 УК РФ - 400 часов обязательных работ с запретом заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством сроком на 3 года. На основании ч.3 ст.69, п.«г» ч.1 и ч.2 ст.71 УК РФ окончательно назначить наказание путем его частичного сложения 19 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год и запретом заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством сроком на 3 года.

В соответствии с 4.1 ст.53 УК РФ установить следующие ограничения: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) с 23 часов до 06 часов следующего дня, не выезжать за пределы муниципального образования избранного для проживания, не посещать места проведения массовых мероприятий, не изменять место жительства без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы, являться 1 раз в месяц для регистрации в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы.

Заявленные потерпевшими исковые требования удовлетворить исходя из положений уголовно-процессуального закона и Гражданского кодекса РФ исходя из принципов разумности и справедливости, а также в пределах сумм подтвержденных документами об имущественном вреде.

Судьбу вещественных доказательств определить в соответствии с требованиями ст. 81 УПК РФ.

В апелляционной жалобе представитель потерпевших М [] и М [] - адвоката Валеев Р.Р. также указывает на неправильную квалификацию действий Пермякова. Полагает что квалификация действия осужденного в отношении обоих потерпевших по ч. 2 ст. 105 УК РФ является верной и достоверно подтверждается материалами дела, в том числе показаниями самого Пермякова, не отрицавшего в судебном заседании очевидность малолетнего возраста погибшего пострадавшего мальчиков.

Назначенное Пермякову наказание считает чрезмерно мягким, не соответствующим условиям восстановления социальной справедливости и установленным ч. 1 ст. 6, ст. 60 УК РФ принципам. Такое чрезмерно мягкое наказание не будет вполне способствовать исправлению осужденного.

Не согласны потерпевшие и с размером взысканной в их пользу компенсации морального вреда. Со ссылкой на ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, ст. 151, 1101 ГК РФ, полагают, что сумма в 500 тысяч рублей явно не компенсирует нравственные страдания потерпевших, потерявших малолетнего сына, который должен был стать их надеждой и опорой. Размер компенсации морального вреда должен быть взыскан в гораздо большем объеме, нежели взыскан судом.

Просит приговор в отношении Пермякова изменить, восстановить квалификацию его действий, установленную предварительным следствием, назначить ему наказание в виде пожизненного лишения свободы и удовлетворить иски о возмещении судебных расходов М [] и М [] в полном объеме.

В апелляционной жалобе и дополнении к ней осужденный Пермяков В.А. указывает на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и на нарушение судом норм уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе судебного разбирательства.

Полагает, что заключения судебно-медицинских экспертиз, заключение автотехнической экспертизы, на которые суд сослался в приговоре, являются недопустимыми доказательствами.

Обращает внимание на то, что с постановлениями о назначении судебных экспертиз был ознакомлен несвоевременно уже после проведения экспертиз и составления экспертных заключений. В связи с этим он лишен был возможности воспользоваться предусмотренными ст. 198 УПК РФ правами, не имел возможности заявить отвод экспертам, ходатайствовать о проведении экспертиз в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве экспертов названных им лиц, о внесении в постановления дополнительных вопросов, присутствовать с разрешения следователя при проведении экспертиз.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ эти нарушения закона являются существенным ущемлением прав обвиняемого, в силу чего заключения экспертов № 516, 572, 1441, 1810/5-1-13.1, 1811/5-1-13.2, 1815/5-1-13.3 являются недопустимыми доказательствами.

Помимо этого обращает внимание на то, что произведенное в рамках судебно-медицинской экспертизы №572 судебно-химическое исследование, о котором составлен акт №9675, выполнено судебно-медицинским экспертом Л [] (в девичестве М [] не имеющей права на проведение экспертизы).

Ссылаясь на полученные от ГБУЗ «Челябинское областное бюро Судебно-медицинской экспертизы» ответы, согласно которым Л [] (в девичестве []) 16 апреля 1990 года была зачислена на должность судебно-медицинского эксперта в ГБУЗ «Челябинское областное бюро Судебно-медицинской экспертизы», имеет диплом о высшем образовании по специальности «фармация» и удостоверение о присвоении ей квалификации «химик-эксперт», делает вывод, что проведенное судебно-медицинским экспертом Л [] исследование полностью соответствует её образованию, однако образование эксперта Л [] противоречит занимаемой должности.

Анализируя положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона о государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, ст. 65, 195.3 Трудового Кодекса РФ, Приказа Министерства Здравоохранения Российской Федерации от 8 октября 2015 г. N 707н «Об утверждении квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам с высшим образованием по направлению подготовки «здравоохранение и медицинские науки»», считает, что эксперт Л[] де факто произвела судебно-химическое исследование, соответствующее её образованию, но де юре не имела официального права проводить вышеуказанное исследование ввиду несоответствия её образования занимаемой должности.

Исходя из этого, считает, что экспертное исследование проведено лицом, компетентность и квалификация которого ничем не подтверждена, что по правилам п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ является основанием для отвода эксперта, а проведенного ею исследования – недопустимым доказательством, полученным с нарушением закона.

Участвуя в суде первой инстанции у стороны защиты не было реальной возможности ознакомиться с документацией, подтверждающей квалификацию экспертов и с документами, подтверждающими правовые основания осуществления их деятельности, а стороной обвинения не было предоставлено документов о квалификации экспертов. Полагает сторона защиты имеет право на ознакомление с данными, свидетельствующими о надлежащей квалификации эксперта, которому поручено производство судебной экспертизы по уголовному делу, что вытекает из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлениях от 18 февраля 2000 года N 3-П, от 18 декабря 2003 года N 429-0, от 20 марта 2008 года N 168-0-0 и N 175-0-0).

В свою очередь, следовательно, прокурор и суд не обратили должного внимания на данный факт незаконного трудоустройства эксперта Л[] и не приняли мер к ее отводу и признанию результатов судебно-химического исследования №9675, судебно-медицинской экспертизы №572 недопустимыми доказательствами.

В связи с тем, что приговор основан на недопустимых доказательствах, просит его отменить и прекратить в отношении него уголовное преследование по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционного представления и апелляционных жалоб, Судебная коллегия находит правильным вывод суда о виновности осужденного в убийстве М[] причинении вреда средней тяжести здоровью Г[] правильными, основанными на исследованных в судебном заседании доказательствах.

Как установлено судом и следует из материалов дела, 31 июля 2017 года

около 15 часов 00 минут М [] и Г [] следуя на мотоцикле марки «Стелс» под управлением М [] в районе базы рыбозабоев и рыбной ловли ЗАО « [] » проехали в непосредственной близости от палатки Пермякова В.А., отдыхавшего на территории базы вместе со своими родственниками и друзьями. Пермяков В.А., будучи в состоянии алкогольного опьянения и выражая свое недовольство тем, что М [] и Г [] нарушили покой отдыхающих лиц, попытался их догнать, требуя при этом остановиться. Однако М [] и Г [], испугавшись Пермякова В.А., решили покинуть базу и поехали в сторону выезда с ее территории.

Пермяков В.А., увидев, что М [] и Г [] пытаются скрыться от него и покинуть территорию базы, сел за руль автомобиля марки «Фольксваген» и, заведя двигатель, начал преследование последних.

Двигаясь на в сторону выезда с территории базы, Пермяков догнал мотоцикл «Стелс», на котором находились М [] и Г [] и умышленно совершил наезд автомобилем на заднюю часть указанного мотоцикла. В результате преступных действий подсудимого мотоцикл опрокинулся, и находившиеся на нем М [] и Г [] упали на землю. После чего, Пермяков В.А., управляя автомобилем, протаранил опрокинувшийся мотоцикл вместе с М [] в сторону произрастающих вдоль дороги деревьев.

Преступными действиями Пермякова В.А. М [] был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший его смерть на месте происшествия. Потерпевшему Г [] причинен вред здоровью средней тяжести, также не причинившие вреда здоровью телесные повреждения.

Эти обстоятельства не оспариваются ни в апелляционном представлении, ни в апелляционной жалобе представителя потерпевших.

Осужденный Пермяков, хотя и ставит вопрос в своей апелляционной жалобе об отмене приговора, однако также не приводит доводы о несогласии с установленными судом обстоятельствами содеянного им.

Показаниям осужденного в судебном заседании о неосторожном характере действий по совершению наезда на мотоцикл, которые были поддержаны в суде апелляционной инстанции, суд дал в приговоре надлежащую оценку.

Отвергая показания Пермякова о том, что он не смог своевременно среагировать на предпринятое М [] резкое торможение мотоцикла, отвлекся, в результате чего совершил наезд на мотоцикл, суд правильно сослался на следующие доказательства:

- показания потерпевшего Г [] о том, что перед столкновением они ехали со скоростью примерно 70-80 километров в час и когда уже спускались с горки, то он почувствовал сильный удар и слетел с мотоцикла, перед столкновением М [] не тормозил, и поскольку они были сильно напуганы, то старались быстрее уехать от подсудимого и скорость не снижали, кроме того стоп-сигналы на мотоцикле не работали, в связи с чем подсудимый не мог увидеть свет задней фары, сигнализирующий о торможении мотоцикла; удар пришелся в заднее колесо мотоцикла, при этом автомобиль мог свободно объехать мотоцикл, то есть удар был нанесен специально после чего он видел, что автомобиль движется к деревьям, тараня и таща мотоцикл;

- показания потерпевшего М [] - отца погибшего М [] Р., пояснившего, что по прибытию на базу он обнаружил М [] уже мертвым, находившийся рядом Пермяков В.А. просил прощения, а позже при сотрудниках полиции сказал, что сбил мотоцикл специально, на месте происшествия он видел борозду от подножки мотоцикла, кроме того он в суде подтвердил, что на мотоцикле не работала передняя фара, и отсутствовал задний стоп-сигнал;

- показания свидетеля К [] [] пояснившего в судебном заседании показал, что по прибытии на место происшествия, где находились Пермяков В.А. и родители погибшего мальчика, на его вопрос о том, что случилось, Пермяков рассказал, что молодые люди на мотоцикле проехали рядом с его палаткой, из-за чего он принял решение сесть за руль автомобиля, догнать этих ребят и совершить наезд, в это время подошел товарищ Пермякова В.А. и попросил последнего замолчать, затем он подошел к потерпевшему Г [] который также подтвердил, что наезд был совершен целенаправленно, осмотрев место происшествия, он увидел на земле след от подножки мотоцикла, а также следы повреждений на коре рядом растущего дерева;

- показания свидетеля С [] являющегося инспектором ДПС ОГИБДД отдела МВД России по г. Миассу, из которых следует, что на место происшествия находившийся в состоянии алкогольного опьянения Пермяков В.А. по поводу случившегося сказал, что ребенок сам виноват, поскольку чуть не сбил его детей, поэтому он стал преследовать на машине этих ребят, специально своим автомобилем ударил мотоцикл потерпевшего, из-за чего мотоцикл перевернулся;

- показания свидетеля С [] прояснившего о том, что в ходе опроса Пермяков В.А. очень сожалел о случившемся и говорил, что это он сам повинен в смерти ребенка, рассказал, что он вместе со своей семьей и друзьями отдыхал на базе отдыха, рядом с местом, где они отдыхали,

проехал мотоцикл, на котором находились потерпевшие, при этом мотоцикл задел палатку, в которой находился его малолетний ребенок, возмущившись, он ударил кулаком пассажира мотоцикла, мотоцикл не остановился и проехал дальше, чтобы проучить этих ребят, он сел за руль своего автомобиля и стал преследовать ребят, полагая, что ребята могут скрыться от него, он специально прижал бампером автомобиля заднее колесо мотоцикла, от чего мотоцикл перевернулся, и ребята упали на землю, водитель мотоцикла при падении ударился головой об дерево и умер;

- показания допрошенного в качестве свидетеля следователя СО отдела МВД России по Учалинскому району Республики Башкортостан С [] производившего осмотр места происшествия, который пояснил, что в ходе осмотра места происшествия каких-либо следов торможения обнаружено не было, на дороге, где произошло столкновение, было обнаружено повреждение дорожного полотна в виде одиночного следа длиной 180 см, образованное в результате соприкосновения с металлическим предметом, не характерное для торможения.

- показания свидетелей М [] и Б [] данные ими на предварительном следствии и оглашенные в судебном заседании, из которых следует, что они участвовали в качестве понятых при осмотре места происшествия, в ходе осмотра на дорожном полотне было обнаружено повреждение в виде одиночного следа длиной 180 см.; полагают, что указанный след образовался в результате соприкосновения с металлическим предметом и не характерен для следов торможения;

- протокол осмотра места происшествия, согласно которому на месте происшествия помимо одинарного следа от колеса мотоцикла и правой подножки в виде «канавки» длиной 180 см. другие следы не обнаружены;

- протокол осмотра мотоцикла «Стелс», в ходе которого обнаружены повреждения переднего крыла, зеркала заднего вида, рычага заднего тормоза, заднего крыла и левой подножки, кроме того, установлено, что на мотоцикле отсутствует фара.

Принимая во внимание приведенные доказательства, свидетельствующие о том, что перед столкновением М [] не производил торможение, напротив, увеличивал скорость движения мотоцикла, пытаясь скрыться от преследования Пермякова, на мотоцикле отсутствовал стоп-сигнал, в связи с чем осужденный не мог видеть сигнал торможения мотоцикла, а также учитывая дорожную обстановку,

позволяющую Пермякову объехать мотоцикл, суд обоснованно пришел к выводу о том, что Пермяков, управляя технически исправным автомобилем, совершил умышленный наезд на мотоцикл под управлением М [] а когда мотоцикл опрокинулся, продолжил движение и протаранил мотоцикл вместе с М [] в сторону растущих у дороги деревьев, в результате чего находившиеся на мотоцикле потерпевшие получили повреждения, повлекшие смерть на месте происшествия М [] и вред средней тяжести здоровью Г []

Учитывая эти обстоятельства, а также то, что, преследуя потерпевших, Пермяков В.А. видел, что М [] и Г [] не имеют средства защиты в виде мотошлемов, что на мотоцикле отсутствуют программируемые зоны деформации и ремни безопасности, суд обоснованно пришел к выводу о том, что совершая наезд на мотоцикл, осужденный осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления любых последствий для жизни и здоровья потерпевших, в том числе и в виде причинения смерти, а потому правильно признал его действия по лишению жизни М [] и причинению вреда средней тяжести здоровью Г [] умышленными.

По указанным мотивам Судебная коллегия не может согласиться с доводами осужденного о неосторожном характере его действий.

Не основаны на материалах дела и доводы апелляционного представления и апелляционной жалобы представителя потерпевших о наличии в действиях Пермякова прямого умысла на убийство обоих потерпевших.

Данные, свидетельствующие о том, что Пермяков, совершая наезд на мотоцикл, не только предвидел возможность наступления смерти находившихся на мотоцикле М [] и Г [] но и желал этого, в судебном заседании не установлены.

Обстоятельства содеянного Пермяковым с учетом его последующего поведения не позволяют сделать вывод о том, что осужденный преследовал цель убийства потерпевших.

Как правильно отметил в приговоре суд, незамедлительная остановка осужденным транспортного средства, прекращение противоправных действий в отношении потерпевших при наличии реальной возможности продолжить их и лишить потерпевших жизни, попытка оказания первой медицинской помощи М [] вызов бригады скорой помощи указывают на отсутствие у Пермякова желания причинения смерти потерпевшим, что является необходимым признаком прямого умысла.

В то же время совершение осужденным преступления с использованием автомобиля, являющегося источником повышенной опасности, последующий таран автомобилем опрокинувшегося мотоцикла, свидетельствуют о том, что Пермяков предвидел и сознательно допускал, что с учетом скорости движения и технических характеристик мотоцикла, его столкновение с автомобилем приведет к наступлению тяжких последствий в виде смерти обоих потерпевших либо одного из них, то действовал с косвенным неопределенным умыслом.

При таких обстоятельствах суд при квалификации действий осужденного правильно исходил из фактически наступивших последствий в виде причинения смерти одному потерпевшему и причинения другому потерпевшему вреда средней тяжести здоровью.

Не нашел подтверждения в судебном заседании и квалифицирующий признак убийства, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство малолетнего.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» как убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство.

Исходя из диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и указанных разъяснений Пленума довод апелляционного представления о том, что при квалификации действий виновного по указанному закону достаточно установление лишь малолетнего возраста, что возможность такого лица защитить себя не подлежит дополнительному доказыванию, является несостоятельным.

Как установлено судом и следует из материалов дела, потерпевший М [] которому на 31 июля 2017 года исполнилось полных тринадцать лет, управлял мотоциклом, а когда возникла конфликтная ситуация с Пермяковым, видя, что тот на автомашине преследует его и Г [], М [] пытался скрыться на мотоцикле, увеличивая скорость движения, то есть адекватно воспринимал происходящее и совершал активные действия по защите себя и Г [] от возможных противоправных действий осужденного.

С учетом этого обстоятельства Пермяков не мог осознавать, что совершает преступление в отношении лица, неспособного защитить себя в силу возраста.

Не опровергнуты представленными стороной обвинения доказательствами и доводы осужденного, по мнению которого М [REDACTED]. достиг шестнадцатилетнего возраста, поскольку тот управлял транспортным средством, разрешение на управление которым выдается лицам, достигшим шестнадцати лет.

Доводы представления о том, что малолетний возраст был очевиден для осужденного в силу антропометрических данных потерпевшего, носит предположительный характер.

Как установлено судом, осужденный и потерпевшие ранее не были знакомы, конфликтная ситуация между ними развивалась стремительно, преследуя потерпевших, осужденный видел их сзади, при этом на мотоцикле за М [REDACTED] сидел Г [REDACTED], а потому Пермяков не имел реальной возможности визуально определить точный возраст потерпевшего М [REDACTED].

При таких данных суд правильно квалифицировал действия Пермякова В.А. по ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 112 УК РФ.

Оснований для иной юридической оценки действий осужденного, как о том ставится вопрос в апелляционной жалобе представителя потерпевших и апелляционном представлении, а также в жалобе осужденного, Судебная коллегия не находит.

Законным и обоснованным является приговор и в части осуждения Пермякова по ст. 264¹ УК РФ. Эти выводы суда не оспариваются и в жалобе осужденного.

Нарушений норм уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора, из материалов дела не усматривается.

Все представленные сторонами доказательства исследованы в судебном заседании с соблюдением принципа состязательности сторон, которым была предоставлена возможность в полном объеме выполнить возложенные на них обязанности и осуществить предоставленные им права.

Вопреки доводам жалобы осужденного в основу приговора судом положены только допустимые доказательства.

Оснований для признания заключений экспертов по результатам исследования трупа потерпевшего М [REDACTED] (№ 572 от 13 октября 2017 г.), вещественных доказательств (№1441 от 16 ноября 2017 г.), по результатам автотехнического исследования (№ 1810/5-1-13.1 1811/5-13.2, 1815/5-1.13.3 от 9 октября 2017 г.) суд не имел.

Несвоевременное ознакомление Пермякова В.А. и его защитника с постановлениями о назначении судебных экспертиз, на что обращается внимание в жалобе, не влечет признание экспертных заключений недопустимыми доказательствами, поскольку осужденный имел возможность воспользоваться предоставленными ему ст. 198 УПК РФ правами в судебном заседании, в том числе заявить ходатайства о проведении дополнительных, повторных экспертиз. Однако, как следует из протокола судебного заседания, такие ходатайства, а также ходатайства о признании заключений экспертов недопустимыми доказательствами ни подсудимый, ни его защитник не заявили. (т. 6 л.д. 89)

Обсуждая доводы жалобы осужденного о том, что эксперт Л [] не вправе была производить судебно-химическое исследование крови погибшего, поскольку незаконно назначена на должность эксперта ввиду отсутствия у нее соответствующего образования, Судебная коллегия отмечает, что отдельная экспертиза по исследованию крови М [] следователем не назначалась. Экспертом Л [] по поручению судебно-медицинского эксперта в рамках судебно-медицинской экспертизы по трупу М [] проведено дополнительное исследование крови на предмет наличия в ней алкоголя. При этом результаты указанного исследования, согласно которым в крови М [] не обнаружен этиловый спирт, на которое имеется ссылка в заключении судебно-медицинского эксперта, не может поставить под сомнение ни законность проведения судебно-медицинской экспертизы, ни достоверность выводов эксперта.

Кроме того, в жалобе осужденного не оспариваются результаты дополнительного исследования эксперта Л [] которая, по мнению осужденного, произвела судебно-химическое исследование, соответствующее её образованию.

С учетом этих данных суд обоснованно признал судебно-медицинского эксперта С [] № 572 от 13 октября 2017 года допустимым доказательством.

Доводы осужденного в судебном заседании о том, что во время получения объяснений инспектор ДПС С [] задавал ему наводящие вопросы, изложив в объяснении свои домыслы, не могут быть приняты во внимание, поскольку на указанное объяснение суд не ссылался в приговоре.

Осмотр места происшествия произведен уполномоченным лицом – следователем СО отдела МВД России по Учалинскому району с участием понятых. Результаты проверки дорожно-транспортного происшествия, в ходе которой следователем СО ОМВД России по г. Миасу с участием понятых был произведен первоначальный осмотр места происшествия, направлены по подследственности в ОМВД России по Учалинскому району и приобщены

к материалам дела. Законность проведения осмотра места происшествия не оспаривалась сторонами в судебном заседании. С учетом того, что осмотр места происшествия произведен следователями с соблюдением требований ст. 176-177 УПК РФ, суд правильно признал протоколы указанных следственных действий допустимыми доказательствами.

По указанным мотивам Судебная коллегия не находит оснований для отмены приговора по доводам жалоб и представления.

Наказание назначено осужденному соразмерно содеянному, с учетом всех обстоятельств дела, данных о его личности, а также влияния назначенного наказания на его исправление и условия жизни его семьи.

При этом судом в полной мере учтены как общественная опасность совершенных преступлений, отягчающие обстоятельства, каковыми признаны совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя и противоправность поведения потерпевших, так и смягчающие обстоятельства: наличие малолетних детей, оказание помощи потерпевшему, частичное добровольное возмещение морального вреда потерпевшим, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ, а также отсутствие судимости, семейное положение осужденного, на иждивении которого находилась безработная супруга, его положительные характеристики, состояние его здоровья и состояние здоровья его матери.

Решение суда о признании указанных выше обстоятельств, смягчающими наказание осужденного, не оспаривается стороной обвинения.

Учитывая всю совокупность обстоятельств, влияющих на назначение наказания, Судебная коллегия не находит оснований для признания его несправедливым и для усиления как основанного, так и дополнительного наказания, о чем ставится вопрос в представлении и жалобе представителя потерпевших, а также для его смягчения, о чем просит осужденный.

Вместе с тем приговор в части разрешения гражданского иска потерпевших М[] о компенсации причиненного им гибелью сына морального вреда, причиненного преступлениями, подлежит изменению.

При разрешении гражданского иска, суд, хотя и сослался на наступившие для потерпевших последствия, причиненные им глубокие нравственные страдания, а также требования разумности и справедливости, однако не в полной мере учел их, в связи с чем Судебная коллегия находит необходимым увеличить размер компенсации морального вреда М[] до 500 тысяч рублей, М[] до 450 тысяч рублей с учетом того, что осужденным добровольно возмещено 50 тысяч рублей.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 389¹³, 389²⁰, 389²⁸
УПК РФ, Судебная коллегия

определила:

Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан от 18 декабря 2018 года в отношении Пермякова Валерия Александровича изменить.

Увеличить размер компенсации морального вреда, взысканного с Пермякова Валерия Александровича в пользу М [REDACTED] [REDACTED] до 500 000 рублей, в пользу М [REDACTED] до 450 000 рублей.

В остальном приговор оставить без изменения, апелляционное представление государственного обвинителя Зиганшина Р.А., апелляционные жалобы представителя потерпевших - адвоката Валеева Р.Р. и осужденного Пермякова В.А. - без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи: